

С тех самых пор, как она вышла замуж в семью Цуй, Цуй Цюэ ещё даже не был ланчжуном, а лишь мелким чиновником-синжэнем, нуждавшимся в протекции её семьи, но уже тогда только и делал, что заботился о своей репутации. Заняв должность ланчжуна, он продолжил без конца зарабатывать себе доброе имя. Столько лет прошло, а он всё никак не мог выбиться в высшие чины и теперь снова вознамерился отправиться на службу в провинцию, чтобы и дальше заботиться о репутации! Её отец не мог продвигаться по службе лишь потому, что сдавал экзамены по категории «минцзин», и его карьерный рост изначально был ограничен. Но ведь её муж сдал экзамены на цзиньши второй степени, да ещё и числил своим покровителем и наставником самого командующего Вань! Почему же он так и крутится среди чиновников низших рангов и никак не может подняться выше? Неужели она, невинная девушка, выходящая замуж за вдовца с ребёнком, рассчитывала лишь на то, что он будет копить репутацию двадцать... тридцать, а то и пятьдесят лет, пока её не уложат в гроб, и лишь тогда сподобится получить от двора посмертный титул госпожи первого ранга?

Цуй Цюэ взмахнул рукавами и ушёл. Госпожа Сюй смотрела ему вслед, и этот силуэт выводил её из себя — его трусливый вид человека, который даже не осмелился спросить, где находятся его вещи, до боли напоминал ей Цуй Се, выгнанного в своё время из поместья Цуй... Ни дать ни взять, родные отец и сын: оба одинаково беспомощны перед посторонними и способны проявлять спесь только перед домашними.

Но, на свою беду, она была лишь женщиной, связанной по рукам и ногам законами внутреннего двора. Будь она мужчиной, давно привела бы этот дом в полный порядок да и с делами при дворе разобралась бы как следует!

Она долго стояла на ночном ветру; одежда промёрзла насквозь, но сердце всё равно пылало от нестерпимой досады. Этот никчёмный Цуй Се отдал заведение чужим людям, и неужели она будет просто смотреть, как добро семьи Цуй уходит из рук?

Пасынок непочтителен, на мужа положиться нельзя — остаётся только отправиться в родительский дом и посоветоваться с родными.

Она пролежала всю ночь, так и не сомкнув глаз, а наутро отправилась к отцу и выложила ему эту скверную, досадную историю. Её отец занимал незначительную должность и связей среди влиятельных чиновников не имел. В своё время ему стоило немалых трудов сосватать дочь за зятя, учителем которого был командующий Вань, а уж о том, чтобы силой вернуть лавку, и речи быть не могло.

Отец мог лишь убеждать её:

— Этот Цуй Се — законный старший сын твоего мужа, а книжная лавка славилась на всю столицу. Если бы у покупателя не было высокого положения, власти или влиятельного покровителя за спиной, кто посмел бы отнять у него заведение? Цуй Цюэ поступил правильно, не став вмешиваться. Да если бы вы и попытались судиться и вернули лавку, а потом захотели преподнести её высокопоставленному чиновнику, где гарантия, что именно этот чиновник её у вас и не прибрал?

От этих слов госпожа Сюй распалилась ещё сильнее. Сдерживая слёзы, она выговорила:

— Отец, раз ты так говоришь, значит, мне, жене чиновника пятого ранга, только и остаётся всю жизнь терпеть обиды? Сначала терпеть от старших, потом от младших, терпеть от своих и от чужих... Как же мне выбиться в люди...

Дочь вышла замуж очень удачно: муж был человеком перспективным и с хорошим именем,

поэтому чжубу Сюй всегда выделял её среди прочих и баловал. Видя её слёзы, он со вздохом произнёс:

— Да что толку слёзы проливать? У меня нет возможностей вернуть тебе книжную лавку. Лучше бы ты потратила время на то, чтобы разузнать, кто именно её купил — забрал ли себе, передал кому-то или ещё что. А вдруг её тоже собираются преподнести какому-нибудь сановнику? Если цензоры узнают, что у твоего несовершеннолетнего пасынка силой выкупили семейное имущество, они не смогут пройти мимо.

Госпожа Сюй ненадолго задумалась, опустив голову, и тихо откликнулась:

— Угу.

Цуй Юань съездил в столицу быстро и так же быстро вернулся. Он доставил все письма и книги, а заодно привёз шкатулку отличных благовоний. По его словам, цяньху Се помнил, что приближается праздник Сяюань, когда принято передавать предкам тёплую одежду, и прислал эти буддийские благовония для обрядов.

Цуй Се бережно взял шкатулку с благовониями и спросил:

— Цяньху Се верует в Будду?

Цуй Юань с улыбкой ответил:

— Ещё как! И не просто верует — он повесил образ Гуаньинь, который вы ему подарили, у себя во внутренних покоях. Я издали глянул: изображение до того живое, словно сама Гуаньинь спустилась на землю! Снизу горят свечи и курится фимиам — видать, верует от самого сердца. Жаль только, когда мы ехали в столицу, не захватили с собой пару напечатанных свитков «Алмазной сутры».

К счастью, благодаря напоминанию цяньху Се Цуй Се вспомнил, что пятнадцатый день десятого месяца — отличная пора для продажи буддийских канон. Остатки запасов на складе он изначально берёт до Нового года, но, похоже, сейчас был самый подходящий момент выставить их на продажу под вывеской «Традиционная цветная печать, искренность и благочестие», чтобы заполнить паузу между закрытием книжной лавки «Чжижун» и открытием «Цзюаньчжай».

Держа шкатулку в руках, Цуй Се почувствовал, как прояснились его мысли. Мирские помыслы о наживе едва коснулись разума и тут же улетучились, а взгляд вместе с помыслами обратился на сандаловую шкатулку с изящной резной фигурой Будды. То ли от благовоний, то ли от самого ценного дерева исходил едва уловимый аромат. Не удержавшись, он приоткрыл крышку, вдохнул запах, достал три палочки, зажёл их и установил перед императорским указом в главном зале.

Густой и одновременно умиротворяющий аромат мгновенно заполнил комнату. Стоя у стола, он наблюдал, как пепел от палочек постепенно побелел и осыпался на такую же белоснежную кучку, наслаждаясь редким мгновением духовного покоя. Остатки благовоний он пожалел сжигать просто так и убрал их в сундук, чтобы зажечь ещё несколько палочек на праздник Сяюань, когда пойдёт на родовое кладбище совершать поминовение и сжигать бумажную одежду.

Вскорости после того, как книжная лавка «Чжижун» прекратила работу, другие книжные лавки одна за другой начали выпускать книги и бумагу с цветной печатью. На рынок хлынул

поток цветных изданий с вывесками: «Подлинная цветная печать», «Истоки цветной печати», «Цветная печать по старинным рецептам», «Художник — красавица Цуй» и «Прямая ученица красавицы Цуй».

В одних книгах печатные контуры раскрашивали вручную, в других рисунки делили на фрагменты и наносили цвета по частям, в третьих применяли многоблочную цветную печать... В этом во всей красе проявились изобретательность и умение ремесленников Великой Мин подделывать чужой товар. Прежде, когда бумага Цуй, «Записки о собранных ароматах» и «Троецарствие» разлетались с прилавков, качество этих подделок уступало оригиналу как небо и земля. Если на рынок и попадали товары под маркой цветной печати, покупатели предпочитали приберечь серебро и купить продукцию той самой лавки. Но как только книжная лавка «Чжижун» закрылась, людям пришлось довольствоваться тем, что есть.

Точно так же, как появление айфона навсегда умыло кнопочные телефоны, так и с появлением цветных романов обычные монохромные повести, сказания и пьесы перестали продаваться. Пусть цветные иллюстрации были отпечатаны топорно, но они хотя бы были цветными — разглядывать их было приятнее, да и показать людям не стыдно.

Слуги, посланные госпожой Сюй выяснить, кто заполучил технологии книжной лавки семьи Цуй, совсем сбились с толку среди этих лавок: сегодня одна заявляла о «прямом наследии», завтра другая называла себя «истинным истоком», а на публике то и дело появлялись поэтессы, называвшие себя красавицей Цуй, её сёстрами или племянницами. Денег было потрачено немало, а толку никакого.

Да и сам человек, купивший лавку, не спешил открывать заведение, запершись внутри и занимаясь каким-то ремонтом. Стоило слугам семьи Цуй подступить поближе, чтобы разузнать обстановку, как их тут же отгоняли патрульные стражники.

Когда слуга заявил, что его прислала семья Цуй, хозяева заведения, стражники лишь со смехом ответили:

— Молодой господин Цуй — человек благородный, разве его семья прислала бы такого проныру? Не из той же ли ты породы, что тот вороватый слуга, прошлый раз укравший вещи у своего господина? Пошёл прочь! А лучше запереть тебя в клетку на весь день, быстро правду выложишь!

Слуга пришёл в ужас и пустился наутёк. В его памяти ещё был свеж удел Цуй Мина, который явился в уезд Цяньань проучить старшего молодого господина, а попал за решётку, из-за чего всю его семью продали с молотка. Слуга не осмелился ни требовать справедливости у Цуй Се, ни жаловаться госпоже Сюй, предпочтя проглотить эту обиду. Вернувшись в столицу, на расспросы госпожи Сюй он лишь ответил, что у нового владельца лавки слишком влиятельные покровители и узнать хоть что-то невозможно.

Личные сбережения госпожи Сюй были небезграничны, к тому же выхлопывание должности для мужа требовало немалых сумм, а доходы с внешнего двора утекали сквозь пальцы как вода, почти не попадая к ней в руки. Не в силах вынести такие расходы, она была вынуждена пока оставить мысли о расследовании и лишь велела слуге время от времени ездить в Цяньань, следить за их лавкой и, как только она откроется, разузнать, кто за этим стоит.

Слуга покорно кивнул, но едва вышагнул за порог, как тут же выбросил поручение из головы. Лишь когда ему требовались деньги, он придумывал повод съездить в Цяньань, просил у госпожи на дорогу, а сам никуда не ездил — просто находил себе уютное местечко в городе и с

удовольствием бездельничал несколько дней.

Пока семья Сюй приостановила свои поиски, человек, которого они искали, уже проявил себя на рынке. В разгар суматохи, когда торговцы наперебой заявляли, будто именно они хранят истоки цветной печати и продают настоящие портреты красавицы Цуй, на прилавках книжных лавок и уличных лотков без лишнего шума появилась «Алмазная сутра» — книга с весьма незамысловатой вывеской «Традиционная цветная печать».

Эта книга появилась тихо и незаметно, но буквально за одну ночь заполонила книжные лотки Цяньаня, Тунчжоу и столицы, а затем получила горячую поддержку книготорговцев.

Вот где настоящие истоки цветной печати!

Она продавалась ещё до того, как закрылась книжная лавка «Чжизун»!

Эта манера рисовки — подлинный стиль красавицы Цуй!

А те поделки от подражателей — топорная халтура! Только «Цзинчжунтан» — по-настоящему добросовестная лавка!

<http://bllate.org/book/18372/1761309>